63.5
И90

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ

63.5
И90

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ

Историко-этнографические очерки

Санкт-Петербург
„НАУКА"
1997

ИНВ № 1168054

Коллективная монография «История и культура эвенов» — первое в отечественной историографии комплексное исследование, охватывающее все основные территориальные группы эвенов. На основе новых, введенных в научный оборот в последние десятилетия материалов рассматриваются проблемы этногенеза и этнической истории эвенов, описываются основные особенности материальной и духовной культуры народа: занятия, орудия труда, типы жилищ и поселений, пища, одежда, средства передвижения, хозяйственная утварь, верования и обряды, искусство, устное народное творчество. Большое внимание уделено сравнительному анализу этнокультурного развития различных территориальных подразделений эвенов.

Книга предназначена для этнографов, историков, филологов, краеведов и всех интересующихся историей и культурой народов Дальнего Востока.

Редакционная коллегия:

В. А. ТУРАЕВ (отв. редактор), Н. В. КОЧЕШКОВ, Л. Е. ФЕТИСОВА,
А. Б. СПЕВАКОВСКИЙ, Е. В. ШАНЬШИНА (ученый секретарь)

Рецензенты:
С. Ф. КАРАБАНОВА, А. Ф. СТАРЦЕВ

Редактор издательства А. Ф. ВАРУСТИНА

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 95-06-32004 «б»

И $\frac{0505000000-521}{042(02)-97}$ Без объявления

ISBN 5-02-028337-1

© Коллектив авторов, 1997 г.
© Н. В. Кочешков, А. П. Самар, В. А. Туголуков — иллюстрации (рисунки и фото), 1997 г.
© А. И. Слепушкин, художественное оформление, 1997 г.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга продолжает серию историко-этнографических трудов под общим названием «История и культура народов Дальнего Востока», которую готовит Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН совместно с другими научными учреждениями страны и издательством «Наука». Подготовка трудов этой серии предполагает комплексное изучение этнической и социальной истории народов дальневосточного региона — этногенетических и историко-этнических проблем, хозяйства, материальной и духовной культуры, разнообразных историко-культурных связей.

В условиях новой этнополитической ситуации, роста этнического самосознания народов, серьезных перемен в сфере экономики такие работы приобретают особую актуальность, поскольку помогают понять закономерности формирования, развития и трансформации этнических общностей, открывают возможности для управления сложными этническими процессами, для решения демографических, социально-экономических, государственно-правовых проблем.

К настоящему времени вышли из печати книги, посвященные чукчам, корякам, ительменам, удэгейцам и ульчам. Очередная коллективная монография этой серии посвящена эвенам.

Эвены, представляющие собой северо-восточное подразделение собственно тунгусов (эвенков), относятся, по классификации В. А. Алексеева, к сибирско-маньчжурской этногенетической ветви.[1] Она объединяет тунгусо-маньчжурские народы, расселенные на огромном пространстве от Енисея до побережья Охотского моря. Эвены освоили самую восточную часть этого ареала. Расселенные в границах пяти национально-государственных и административно-территориальных образований России, они являются одним из крупнейших по численности коренным народом Дальнего Востока, во многом определяют современную этнополитическую ситуацию в регионе, играют важную роль в этнических процессах, протекающих на Северо-Востоке Азии.

История эвенов — яркий пример того, как в результате этнических взаимодействий, исторического развития в своеобразных природно-экологических условиях формируется этническая общность основного порядка с присущими ей антропо-

логическими и этнографическими особенностями, собственным языком и самосознанием.

Этническое формирование эвенов протекало в исторически близкое и доступное для исследователей время. Русские казаки и землепроходцы зафиксировали в своих отписках и «скасках» начальную фазу этого процесса. Очевидцами его последующих этапов было несколько поколений отечественных ученых, усилиями которых к настоящему времени накоплен значительный фактический материал. Вместе с тем до сих пор нет сводного, обобщающего труда по истории и культуре эвенов. В известной степени это связано с тем, что они расселены на громадной территории, образуют несколько локальных подразделений, отличающихся особенностями материальной и духовной культуры. Каждое из них изучалось самостоятельно и, как правило, некомплексно. Ликвидировать этот существенный пробел и ставит своей задачей настоящая монография.

При ее подготовке авторы стремились дать цельный очерк этногенеза и этнической истории эвенов, исследовать происхождение их основных родов и территориальных подразделений; проанализировать изменения в расселении и численности эвенов в процессе их этнической истории, основные направления миграции, особенности этнического воспроизводства; рассмотреть этнокультурные процессы с середины XVII в. до наших дней, изменения в хозяйственной жизни, материальной и духовной культуре.

Эвены и эвенки, несмотря на разницу в языке, в целом не считают себя представителями различных этнических групп. Различия между собой они чаще проводят по доминирующему родовому признаку, характерному для того или иного района. Например, аяно-майские эвенки называют охотских эвенов *киля* (по названию рода Килэ, наиболее характерного когда-то для этого района), а охотские эвены называют аяно-майских эвенков *бута* (по названию одноименного рода). Затруднительность этнической дифференциации на личностном уровне была, в частности, причиной того, что при проведении переписи населения в 1970 г. в Охотском районе Хабаровского края большинство коренного населения было записано как эвенки, хотя там живут все-таки эвены.

В сфере духовной культуры и социальных отношений мы находим у эвенов все основные институты, которые характерны для эвенков, — отцовский род, большая патриархальная и малая семьи, патронимия, частная собственность на оленей, анимизм и шаманство. Вместе с тем эвенам присущи и определенные особенности, рассмотрению которых и посвящена настоящая книга. Более подробно о них пойдет речь в соответствующих разделах настоящей книги, сейчас же коротко обозначим некоторые из них.

Прежде всего бросается в глаза наличие у эвенов целого ряда этнонимов, не имеющих типичного для эвенков окончания *-гир*, являющегося суффиксом множественности и означающего принадлежность к роду. В этом проявляется специфика формирования эвенов как самостоятельного этноса.

Несмотря на существование у эвенов калымного брака, левират не имел у них широкого распространения, как у эвенков, а в ряде районов он вообще отсутствовал. Например, томпонские и аллайховские эвены, отвергая левират, считают его нарушением брачных норм. Такое же отношение характерно для эвенов Охотского района, которые считают жену брата близкой родней. Имевшие здесь место попытки женитьбы младшего брата после смерти старшего на его вдове вызывало, как правило, насмешки.

Эвены не женятся на дочери брата матери, тогда как такой брак у эвенков считается предпочтительным. Гармандинские эвены полагают родню со стороны матери запретной в пределах трех ближайших к себе поколений и допускают брак родных братьев на женщинах, являющихся родными сестрами, что категорически запрещено у эвенков. Все это убедительно свидетельствует, что за последние 150—200 лет в брачных отношениях эвенов произошли изменения, которые

можно квалифицировать как отход от общетунгусских норм и явный крен в сторону материнского права. Отмеченные особенности эвенов — результат влияния их северных соседей, особенно юкагиров, многие социальные институты которых отражают приоритет материнского начала.

Подобно эвенкам, эвены оказывали особое уважение медведю, практикуя ритуальное поедание его мяса и захоронение останков зверя. Однако у эвенков мы не встречаем столь тщательно регламентированной процедуры «медвежьего праздника», как это принято у эвенов. В данном случае эту особенность можно связывать с более архаичным складом культуры эвенов, который не менее ярко проявляется и в похоронном обряде.

В сфере шаманизма эвенов отличает от эвенков обряд расчленения тела умершего шамана, заимствованный у юкагиров. Кости и мягкие ткани тела шамана служили эвенам амулетами, из них они изготавливали куклу, которую повсюду возили в специальной сумке.

Эвенский язык отличается от эвенкийского опусканием конечных гласных в начале или в конце слова, а также некоторых слогов внутри слов. Так, например, эвенкийскому *того* (огонь) соответствует эвенское *тог*, эвенкийскому *умукта* (яйцо) — эвенское *умта* и т. д. В ряде случаев начальное эвенкийское *л* заменяется у эвенов на *н*: *ламу* — *нам* (море), *луки* — *нуки* (стрела) и др.

Исследователи выделяют в эвенском языке три наречия (западное, среднее и восточное) и один диалект — арманский. К западному относят три говора: тюгесирский, юкагирский и саккырырский; к среднему — четыре: томпонский, момский, аллайховский и анюйский; к восточному — шесть говоров: колымско-омолонский, пенжинский, ольский, северо-эвенский, охотский и быстринский. На арманском диалекте говорят (говорили) потомки пеших тунгусов Охотского побережья, большинство которых живет теперь в поселках Армань и Ола Магаданской области.

Физический облик эвенов издавна обращал на себя внимание исследователей. Капитан-лейтенант Миницкий, служивший в 1809 г. в Охотском уезде, отмечал, что эвены «ростом более среднего, крепкокостные, но гибкие; лица у них круглообразны, похожи на калмыков, волосы черные, прямые...».[2]

Участник экспедиции Ф. П. Врангеля врач А. Э. Кибер пришел к выводу, что ламуты отличаются от собственно тунгусов «образованием черт лица — глаза у них узкие, маленькие, щечные кости широкие и выпуклые, а нос чрезвычайно мал».[3]

«Ламутов считают выходцами из Маньчжурии, — писал Ф. М. Августинович, — но кажется не основательно, так как лицо их не напоминает собою монгольского происхождения. Физиономия их носит на себе особый отпечаток, резко отличающий их от прочих здешних инородческих племен; почти у всех прямой лоб, тонкие губы, умеренные рост и нос, закругленный подбородок».[4]

По мнению В. Г. Богораза, «ламуты вообще отличаются низким ростом и очень тощим, худощавым сложением... Признаки монгольской расы выражены у ламутов довольно явственно, что касается ширины скул, расплывшегося носа и узких, наискось прорезанных глаз, но волосы, например, довольно часто имеют русый цвет и обладают большой мягкостью». «Попадались лица с очень белым цветом кожи и тонкими чертами лица, имевшие довольно интеллигентное выражение...».[5]

Основываясь на измерениях Д. Л. Иохельсон-Бродской, И. И. Майнов считал отличительным антропологическим признаком эвенов «малый рост и мезоцефальность». Полностью согласился с ним Н. В. Слюнин, выделявший два типа тунгусов: «южных рослых» с широкими скулами, сравнительно большими руками и ногами, очень смуглым лицом и «северных низкорослых» с узким лицом, поразительно маленькими руками и ногами и отсутствием смуглости. Этот последний тип, по Майнову и Слюнину, «произошел от некоторой древней расы, не тунгусской по крови, но лишь денационализированной тунгусами».[6]

Г. Ф. Дебец, проводивший в 1945—1947 гг. антропологические измерения на Камчатке, особое внимание обратил на светлую кожу эвенов. Он считал, что все тунгусы более светлокожи, чем тюрко-монголы, но ламуты более светлокожи, чем собственно тунгусы. По светлокожести они уступают в Сибири только обским уграм и селькупам. В этой связи Дебец выделил два центра относительной светлокожести в Сибири — «остяцкий и ламутский».[7]

В Сибири, согласно Дебецу, наиболее плоским носом обладают тунгусо-маньчжурские народы, а из их числа наиболее низкое переносье и наиболее плоская спинка носа встречаются у ламутов.

Собранный в конце 50-х гг. среди юкагиров и эвенов северо-восточной Якутии антропологический материал привел И. М. Золотареву к выводу, что северо-восточный тип эвенов, характеризующийся значительной депигментацией, может рассматриваться как локальный вариант в системе признаков байкальского антропологического типа, к которому принадлежит большинство эвенков, но северо-восточные эвены наиболее близки к верхнеколымским юкагирам.[8]

Нельзя не заметить взаимную противоречивость в свидетельствах как наблюдателей, так и специалистов. Дело здесь, как нам представляется, не в ошибках оценки физического облика эвенов, а в значительной вариабельности признаков их антропологического типа. В целом же можно считать, что большинство эвенов, в сравнении с эвенками, обладает более низким ростом, более сильной степенью депигментации и более высокой частотой наличия эпикантуса. Не подлежит сомнению, что эти особенности сформировались в процессе расселения эвенов по Северо-Востоку и активного взаимодействия с юкагирами, коряками и чукчами. Наиболее существенным при этом было влияние юкагиров, которые благодаря общению с тунгусами почти полностью утратили первоначальный антропологический тип.

Портрет героев нашей книги будет неполным, если не вспомнить некоторые черты характера, на которые обращали внимание исследователи.

«Народ кроткий, гостеприимный, вежливый, честный» — такими остались эвены в памяти сенатского чиновника И. Булычева, совершившего в середине XIX в. путешествие по Якутии и Охотскому краю.

«Сохраняют веселость в нищете и не унывают ни перед какими невзгодами; услужливые, но умеющие сохранить свое достоинство и быть гордыми без чванства. Презирают ложь и могут служить образцом честности. Свято хранят старые бумажки, на которых записаны долги отцов и дедов. Поэтичны в речи и щеголеватые манерами. Надежная опора государственного порядка», — писал об эвенах В. И. Иохельсон.

Надеемся, мы достаточно заинтриговали читателя, чтобы он рискнул перевернуть следующую страницу книги, но прежде еще одно необходимое для научного издания отступление.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭВЕНОВ

Первые сведения об эвенах содержатся в отчетах русских служилых людей о своих походах по Северо-Востоку в поисках «новых землиц». Особенно выделяются среди них своей обстоятельностью документы, принадлежащие участникам экспедиции И. Ю. Москвитина (1639—1642). Опубликованные в свое время Н. Н. Степановым и Б. П. Полевым, они содержат весьма ценные сведения о родовом составе охотских эвенов, о территории обитания отдельных эвенских родов, их численности, хозяйственных занятиях, отношениях эвенов с соседними народами. По полноте и разнообразию этнографических сведений свидетельства участников похода Москвитина приближаются к знаменитым «скаскам» Владимира Атласова.[9]

Отписки казаков-землепроходцев и приказных людей, пометные списки, приправочные книги, другие документы ясачного сбора, челобитные и судебные дела аборигенов, собранные и опубликованные в различных изданиях, хранящиеся в архивах, остаются важными, а порой и единственными источниками по истории коренного населения Северо-Востока XVII—первой четверти XVIII в. и по сей день. Широко использовался этот источник и при подготовке этой книги.

Со второй четверти XVIII в. северо-восток Азии и населяющие его народы становятся объектом русских научных исследований. Изучение этого региона приобретает организованный и систематический характер в связи с деятельностью различных экспедиций Российской академии наук. Особенно весомый вклад в изучение народов Северо-Востока внесла Вторая Камчатская экспедиция. Ее участнику, Я. И. Линденау, принадлежит, в частности, самое первое описание одного из специфических подразделений эвенов — пеших тунгусов. Долгое время его работы были неизвестны исследователям. Рукописи на немецком языке хранились в ЦГАДА (ф. 199, № 511, ч. 2, д. 5, л. 1—51). Первым обратил на них внимание А. Золотарев. Этногенетические построения, сделанные им на основе работы Линденау, привлекли к этим материалам широкий интероес. Особенно заинтересовались ими в Якутске (среди материалов находилась работа о якутах, в том числе самые первые записи из дошедших до нас образцов якутского фольклора). Рукопись Линденау была переведена на русский язык и хранилась в архиве Якутского научного центра (ф. 5, оп. 1, д. 167), где с ней могли ознакомиться все желающие. В 1983 г. историко-этнографические материалы Линденау были, наконец, опубликованы в переводе З. Д. Титовой в Магадане.[10]

Заметно пополнили сведения о народах Северо-Востока участники экспедиции И. И. Биллингса—Г. А. Сарычева. Кроме астрономических и географических исследований, составлявших главную цель экспедиции, ей предписывалось собирать сведения о «могуществе, числе, свойстве, упражнениях и обычаях» населения, «срисовывать и описывать употребляемую теми народами рухлядь, оружие, одеяние и рукоделия», а также «изображать на бумаге произношения их наречия латинскими и российскими буквами».[11] В результате был собран значительный историко-этнографический и лингвистический материал, в том числе по эвенам.[12]

Крупный вклад в изучение истории и этнографии эвенов внесла Колымская экспедиция Ф. П. Врангеля (1820—1824 гг.). За время работы Ф. П. Врангель и его спутники Ф. Ф. Матюшкин, А. Э. Кибер, П. Т. Козьмин побывали во многих стойбищах эвенов, интересовались соседними народами, собирали сведения об исчезнувших племенах, наблюдали быт, нравы и обычаи местного населения, описали различные стороны материальной и духовной культуры эвенов и других народов Северо-Востока. Основные результаты экспедиции нашли отражение в книге, а также в отдельных публикациях в периодической печати.[13]

1869—1870 гг. исследования в северо-восточной Якутии и на Чукотке проводил Г. Л. Майдель со своими помощниками Н. Афанасьевым и К. Нейманом. Итоги их полевых исследований, содержащие множество историко-этнографических сведений об эвенах и других народах края, опубликованы в широко известном двухтомном сочинении Майделя.[14]

Большой интерес к истории и этнографии народов Северо-Востока проявили политические ссыльные И. А. Худяков, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, И. И. Майнов и многие другие. «Социальное задание эпохи, — писал по этому поводу В. Богораз, — для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на Крайнем Северо-Востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных».[15]

Среди трудов представителей революционно-демократической мысли особенно привлекает внимание работа И. А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа». В основе своей она посвящена описанию верхоянских якутов. Вместе с

тем в ней содержится и богатейший материал по хозяйству, быту, материальной и духовной культуре и верованиям индигирских эвенов. Опубликованная лишь через сто лет после ее написания, книга эта является сегодня ценнейшим источником по этнографии эвенов середины XIX в.

Научная деятельность другого политического ссыльного, народовольца В. Г. Богораза, в полной мере развернулась в Якутской экспедиции 1895—1897 гг., снаряженной на средства золотопромышленника-мецената И. М. Сибирякова. Участвовать в ней В. Г. Богораз вместе с В. И. Иохельсоном и И. И. Майновым был приглашен известным археологом и этнографом Л. А. Клеменцем. В течение трех лет В. Г. Богораз всесторонне исследовал язык, общественный строй, экономику и культуру чукчей и эвенов, кочевавших по правым притокам Колымы. Результатом этих исследований стал очерк «Ламуты» — первое и до сих пор самое полное этнографическое описание колымско-омолонской и чаунской группировок эвенов. Не меньшую ценность имели и опубликованные позднее его лингвистические материалы, а также публикации других участников экспедиции.[16]

Заслуживают внимания попытки изучения эвенского языка и создания эвенской письменности со стороны религиозных деятелей и миссионеров. Их интерес к языку эвенов был обусловлен прежде всего задачами более глубокого распространения христианства среди аборигенов Северо-Востока. Вместе с тем среди миссионеров встречались люди, которые хорошо понимали и научную значимость этой работы. Много сделал в этом отношении архиепископ Камчатский и Алеутский, а затем митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (И. Веннинаминов). По его инициативе охотские священники переводили на язык эвенов молитвы, евангельские проповеди. Широко известны, например, «Краткий катехизис с молитвами» и «Евангелие от Матфея», составленные на основе церковнославянской графики охотским протоиереем С. Поповым. Им был также подготовлен эвенский букварь и грамматика со словарем (около 1300 слов).

Краткий тунгусский словать С. Попова был издан синоидальной типографией в 1859 г. и получил высокие отзывы, в том числе официальных лиц.[17] На основании языкового материала С. Попова академиком А. Шифнером было составлено первое научное описание грамматического строя охотского говора эвенского языка,[18] затем и более обстоятельное исследование о лексическом и фонетическом различии говоров анадырских и охотских эвенов.[19]

Много полезных сведений об экономическом положении эвенов, их образе жизни и культуре во второй половине XIX—начале XX в. можно почерпнуть из путевых записок, отчетов и описаний правительственных чиновников, совершивших в разные годы поездки «по казенной надобности» в Якутию, на Колыму, Камчатку, Охотское побережье. Определенный интерес в этом отношении представляют книги Н. С. Щукина, И. С. Булычева, Н. В. Слюнина, С. А. Бутурлина и некоторых других.[20]

Весьма трудоемкую, скрупулезную работу выполнил по обработке материалов первой Всероссийской переписи 1897 г. С. Патканов. В его широко известном труде содержатся наиболее полные сведения о географии расселения, численности, родовой принадлежности всех территориальных групп и административных образований эвенов, малоизвестные факты из их этнической истории и правовом положении.[21]

Первые советские десятилетия были ознаменованы значительным интересом к истории и культуре малочисленных народов Севера. Необходимость ликвидации их культурной отсталости, приобщения к процессу преобразований экономики и социальных отношений требовала глубокого изучения их хозяйства, быта и языка. В районах расселения эвенов с конца 20-х гг. работали Е. П. Орлова, М. Г. Левин, М. К. Расцветаев, В. Н. Васильев, В. И. Цинциус. Этнографическое, антропологическое и лингвистическое изучение эвенов проводилось сотрудниками Нагаевской, Томпонской и Корякской культбаз. Большую собирательскую работу по

фольклору, истории, этнографии эвенов вели учителя А. П. Ткачик, Т. А. Молл, М. Антропов, К. А. Новикова и др.

К сожалению, большинство накопленных в те годы материалов не было опубликовано. Перед войной увидели свет, за редким исключением,[22] преимущественно информационные сообщения.[23] Многие по-настоящему интересные, даже уникальные рукописи все еще ждут своего часа в архивах научных учреждений. Особенно хотелось бы привлечь внимание к монографии В. Н. Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов», насчитывающей более 65 авторских листов. Эта работа представляет собой подлинную энциклопедию по восточной части Якутии и смежным районам Охотского побережья. Она содержит подробные сведения по географии, истории русской колонизации, хозяйственной деятельности якутов, эвенков и эвенов, их традиционной культуре, верованиям и социальным отношениям.

Больше повезло лингвистическим материалам. Потребности в создании и совершенствовании письменности эвенов стимулировали публикаторскую работу. В послевоенные годы выходят в свет учебник по эвенскому языку В. И. Цинциус, «Русско-эвенский словарь»,[24] привлекло внимание исследование по особенностям арманского диалекта эвенского языка Л. Д. Ришес,[25] значительную публикаторскую работу фольклорных и языковых материалов удалось осуществить в конце 50-х гг. К. А. Новиковой.[26]

Следует признать, что в послевоенные годы историко-этнографическое изучение эвенов практически не проводилось. Лишь в начале 50-х гг. научные сотрудники Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР К. И. Горохов и И. С. Гурвич провели этнографическое обследование ряда северных районов Якутии. Их рукописные отчеты содержат много новых данных по этнографии эвенов, но, к сожалению, в большинстве случаев они не были опубликованы.

В 1956 г. в книге «Народы Сибири» М. Г. Левин подвел итог многолетнего изучения эвенов.[27] Это было первое обобщение всего, что было известно к тому времени об эвенах Камчатки, Чукотки, Охотского побережья. Статья, отразившая слабую изученность эвенов, в известной степени способствовала оживлению интереса к истории и культуре этого народа. В 60—70-х гг. развернули исследования среди эвенов этнографы В. А. Туголуков,[28] С. И. Николаев,[29] У. Г. Попова,[30] А. Б. Спеваковский,[31] А. В. Беляева,[32] И. С. Гурвич,[33] К. Г. Кузаков,[34] оживились этнографические и лингвистические исследования в Якутии, в том числе силами самих эвенов.[35]

Крупным событием в этнографической науке стал выход из печати фундаментальных работ Б. О. Долгих и И. С. Гурвича,[36] посвященных проблемам этнической истории народов Сибири. Несмотря на сравнительно небольшой объем текста, относящегося непосредственно к эвенам, обе монографии содержат много ценных сведений, преимущественно архивных, характеризующих их родовой состав, расселение и численность отдельных групп.

Особого внимания заслуживает опубликованная в 1981 г. монография рано ушедшей из жизни У. Г. Поповой «Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг.». Вобравшая в себя результаты многолетних исследований, монография эта и сегодня является самой полной этнографической сводкой о традиционном хозяйстве эвенов, каким оно сложилось к началу послеоктябрьских преобразований, о погребальных, свадебных и других семейных обрядах, религиозных верованиях. Можно только сожалеть, что в книге этой рассматривается культура всего лишь одной территориальной группы эвенов.

Подводя итог этнографическому изучению эвенов, можно сказать, что усилиями нескольких поколений отечественных исследователей накоплен богатый и разносторонний материал. К сожалению, доступ к нему сильно затруднен. Разбросанный

по многочисленным разновременным публикациям, многие из которых давно стали библиографической редкостью, он постепенно забывается, теряется, а нередко и «открывается» заново. Назрела острая необходимость в обобщении и осмыслении результатов проведенных исследований.

Приступая к подготовке сводного обобщающего труда по истории и культуре эвенов, авторский коллектив широко использовал имеющуюся литературу. Достаточно сказать, что в списке только цитированных литературных источников значится более 150 названий. Изучались и использовались также неопубликованные рукописные материалы исследователей, хранящиеся в различных научных учреждениях, — Н. Афанасьева (1876 г.), Н. Н. Березкина (1906 г.), В. И. Левина (1932 г.), Л. Разделишина (1939 г.), Н. С. Елисеевой (1965 г.), И. А. Захаровой (1976 г.) и др.

Использован в книге большой архивный материал, извлеченный из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива Дальнего Востока (ЦГАДВ), Центрального государственного архива Российской Федерации (ЦГА РФ), Центрального государственного архива Якутии, государственных архивов Хабаровского края (ГАХК), Магаданской области (ГАМО), Чукотского автономного округа (ГАЧАО), архивов Российской академии наук (ААН), Российского географического общества, Якутского научного центра (АЯНЦ), Институтов востоковедения (Архив ИВАН), этнографии и антропологии (Архив ИЭАН), истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, других ведомственных архивов Дальнего Востока.

Важным источником для написания работы стали музейные коллекции. Богатые собрания по материальной и духовной культуре эвенов были изучены в фондах Государственного музея этнографии (ГМЭ), Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), музеев Хабаровского краевого, Магаданского и Камчатского областных краеведческих музеев, различных художественных музеев.

Все это вместе с собственными полевыми исследованиями в районах проживания эвенов и легло в основу настоящей работы. При ее написании широко использовались историко-типологические и историко-диффузионные сравнения. Реально существующие элементы этнической культуры эвенов соотносились с данными исследователей XVIII—XIX вв., сообщениями информаторов первой половины XX в., архивными свидетельствами и музейными коллекциями. Совокупность методических подходов позволила провести сбор, систематизацию и интерпретацию полученных материалов с высокой степенью достоверности, подготовить монографию, отражающую историю и культуру эвенов за последние 350 лет.

СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЭВЕНОВ

По данным переписи населения 1989 г. в стране насчитывалось 17 199 эвенов. Среди малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по численности они занимают четвертую строчку после ненцев, эвенков и хантов. Половина из них — 8668 человек живут в Якутии, остальные — в дальневосточных краях и областях, в том числе в Магаданской области 2433 человека, в Хабаровском крае — 1919, в Камчаткой области — 1489, в Чукотском автономном округе 1336 человек. Перепись зафиксировала эвенов в Приморье, Сахалинской и Амурской областях (более 100 человек), а также за пределами Дальнего Востока. Всего вне территории традиционного обитания в 1989 г. жило более 1300 эвенов.[37]

Преимущественными районами расселения эвенов в Якутии являются Усть-Янский — 939 эвенов, Эвено-Бытантайский — 903, Томпонский — 735, Кобяйский — 677, Момский — 645, Аллайховский — 544, Нижнеколымский — 520, Булунский — 384, Среднеколымский — 364, Оймяконский — 322, Алданский —

231, Верхнеколымский — 197, Верхоянский — 189, Абыйский — 142, Орджоникидзевский — 125, Амгинский — 103. В других районах Якутии численность эвенов не превышает 100 человек в каждом. Крупная эвенская община сформировалась в Якутске — 651 человек. Число эвенов здесь выросло по сравнению с 1979 г. на 67.4 % и в 2.3 раза по сравнению с 1970 г.[38]

Наиболее крупный прирост эвенов в межпереписной период 1979—1989 гг. зафиксирован в Абыйском и Амгинском районах — соответственно 89 и 83 %, а также в Орджоникидзенском — 69 %, Усть-Янском — 62, Оймяконском 58 %, Аллайховском и Момском — соответственно 44 и 41 %. Существенное увеличение численности эвенов следует объяснять не только следствием внутриреспубликанских миграционных процессов, характерных для Якутии в этот период, но прежде всего значительным ростом национального самосознания. В ходе переписи во многих случаях произошло восстановление национальности. Эвенами назвали себя многие метисы, ранее значившиеся как якуты, эвенки, русские и т. п. Подобная ситуация оказалась характерной для многих народов Дальнего Востока, но особенно впечатляюще она проявилась у ительменов на Камчатке и у эвенов Якутии. Красноречивы, в частности, такие цифры: общий прирост эвенов в Якутии в 1979—1989 гг. составил 2905 человек, в том числе естественный — 1560 человек. Восстановило национальность «эвен» 1345 человек.[39] Отметим сразу, что в других регионах подобного не произошло.

В Магаданской области основными районами проживания эвенов являются Ольский (822) и Северо-Эвенский (734). Более 700 эвенов живет в колымских районах области, в том числе в Омсукчанском (295), Сусуманском (140), Среднеканском (132), Хасынском (66), Ягоднинском (45) и Тенькинском (31). Увеличение численности эвенов в 1979—1989 гг. в Магаданской области произошло не во всех районах. Сократилось (незначительно) их число в Омсукчанском, Тенькинском и Ягоднинском районах, что, скорее всего, связано с миграционными процессами. Во всяком случае за этот же период число эвенов в самом Магадане выросло почти втрое. Восстановление коренной национальности в момент переписи для Магаданской области не характерно, наоборот, здесь произошла ее утрата. Если естественный прирост эвенов Магаданской области составил в 1979—1989 гг. 523 человека, то общий прирост лишь 493. 30 человек, значившихся эвенами к моменту переписи, назвали переписчикам другую национальность.

На Чукотке абсолютное большинство эвенов сосредоточено в Билибинском и Анадырском районах — соответственно 807 и 448 человек, причем две трети из них живут в трех селах — Омолоне, Анюйске и Ваегах. Значительна традиционная эвенская община в Маркове. Прирост эвенов в Чукотском автономном округе в 1979—1989 гг. составил более 24 %. Это самый высокий показатель среди всех других малочисленных народов округа.[40]

Сохраняется традиционное расселение эвенов в Камчатской области. В Быстринском районе в 1989 г. их проживало 672 человека, в районах Корякского автономного округа 713. Бóльшая часть эвенов Корякского округа живет в селах (Аянка, Оклан и др.) Пенжинского (404) и Олюторского (234) районов. Прирост численности эвенов в рассматриваемый период в Корякском округе имел место только в Пенжинском районе — 22.4 %, а в других районах произошло сокращение. Почти нет прироста и в Быстринском районе.[41] Скорее всего, сказываются ассимилятивные процессы — активное поглощение эвенов коряками. Для Камчатской области характерна самая большая разница между естественным и общим приростом эвенов — минус 132 человека (в 1979—1989 гг. эвенов родилось на 132 человека больше, чем их общий прирост по итогам переписи). Другими словами, национальность «эвен» в момент переписи не подтвердило 132 человека.

Для эвенов Хабаровского края в межпереписной период характерен существенный прирост населения — более 30 %; практически весь он достигнут за счет естественного прироста (29.8 %). Большинство хабаровских эвенов (1125) живет

в Охотском районе, в основном это жители Арки. Необычно большой прирост эвенов зафиксировала перепись в Верхнебуреинском районе (в 2.6 раза). Их численность здесь в 1989 г. составила 210 человек. Объяснить такой прирост миграционными процессами нельзя. Не исключено, что это ошибки переписчиков — традиционное для этого района эвенкийское население могло быть зафиксировано как эвенское. Такое уже в практике Хабаровского края бывало. К такому выводу подталкивает и необычайно большое снижение в районе численности эвенков — с 212 до 179 человек.

Итак, материалы переписи свидетельствуют о достаточно высоких темпах прироста эвенов в большинстве районов их традиционного проживания. Если в 1970—1979 гг. их прирост в целом по Российской Федерации составлял всего 5.4 %, то в 1979—1989 гг. уже 37 %.

* * *

Настоящую книгу подготовил коллектив авторов:

Введение — *В. А. Тураев* и *В. А. Туголуков*;

Этногенез и этническая история — *В. А. Туголуков*;

Разделы **«Хозяйство»** и **«Материальная культура»** — *В. А. Тураев*, *А. Б. Спевакoвский*, *И. А. Захарова*.

В разделе **«Духовная культура»**:

Верования и обряды — *А. А. Бурыкин*, *С. В. Березницкий* и *В. А. Тураев*;

Народные знания — *Е. В. Шаньшина*;

Фольклор — *Ж. К. Лебедева*;

Хореографическое искусство — *М. Я. Жорницкая*;

Декоративно-прикладное искусство — *Н. В. Кочешков*.

Иллюстрации к книге осуществлены *Н. В. Кочешковым* и *А. П. Самаром* (рисунки), *В. А. Туголуковым* (фото).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

История изучения эвенов (6). Современное расселение и численность эвенов (10).

Этногенез и этническая история 13

Основные этнонимы (13). Этногенез тунгусов (15). Происхождение пеших тунгусов (18). Этногенез эвенов-оленеводов (20). Формирование этнический территории (22). Этническая история эвенов (33). Родовой состав пеших тунгусов (48).

Хозяйство 58

Охотничий промысел (59). Оленеводство (63). Рыболовство (69). Собирательство (73). Домашнее производство (73). Новые отрасли хозяйства (76).

Материальная культура 78

Жилище (78). Поселения (82). Пища (84). Утварь (88). Одежда и обувь (92). Средства передвижения (101).

Духовная культура 111

Верования и обряды (111). Народные знания (125). Фольклор (132). Художественная литература (141). Хореографическое искусство (148). Декоративно-прикладное искусство (153).

Эвены на пороге XXI века (вместо Заключения) 164

Примечания 168

Список сокращений 178

Список иллюстраций 179